

Олег Будницкий, Людмила Новикова, Пол Шапиро

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истории Второй мировой войны на территории СССР посвящено, вероятно, больше исследований, чем любому другому событию российской и советской истории. Но такие темы, как Холокост и тесно связанные с ней проблемы коллаборационизма, антисемитизма в советском обществе, только в последнюю четверть века стали предметом серьезных исследований. В равной степени это относится к исследованию политических и культурных практик сталинизма военного времени. Изучение подобных сюжетов долгое время было затруднено по целому ряду причин: советские исследователи не могли обращаться к ним в силу существовавших идеологических ограничений; зарубежным же историкам мешало отсутствие доступа в советские архивы, да и не слишком большая востребованность на Западе истории войны на Востоке. Положение в историографии существенно изменилось после краха коммунистического режима и последовавшей, среди прочих перемен, «архивной революции». Однако на изучение истории Второй мировой войны происшедшие изменения повлияли в гораздо меньшей степени, чем, к примеру, на работы по истории российской революции или сталинизма 1930-х гг.

Статьи, включенные в настоящий сборник, посвящены двум аспектам истории Второй мировой войны на территории СССР. Первый, это исследования по истории Холокоста, географический фокус которых в последние годы все более очевидно смещается с запада на восток, на оккупированные районы Советского Союза. Второй аспект — история советского общества и сталинизма военного времени, которая рассматривается как самостоятельный этап в развитии сталинской системы, а не промежуток между предвоенным сталинизмом и сталинизмом послевоенного времени. Самостоятельный раздел сборника посвящен отражению истории войны в советской культуре и в исто-

рической памяти — и в советский, и в постсоветский период. Эти темы находились в центре обсуждения на международной научной конференции «Вторая мировая война, нацистские преступления и Холокост на территории СССР», организованной Международным центром истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и Центром высших исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста США 7–9 декабря 2012 г. Некоторые из представленных на конференции докладов легли в основу статей, которые вошли в настоящий сборник¹.

Более трети (по некоторым оценкам, около половины) из шести миллионов евреев — жертв Холокоста, в июне 1941 г. были советскими гражданами, проживавшими в недавно расширившихся границах СССР, а именно на территории Украины, Белоруссии, России, Латвии, Литвы, Эстонии и Молдавии. Холокост унес жизни полутора миллионов евреев Украины, 95 % всех евреев, проживавших в Латвии и Литве, от 74 до 82 % евреев Белоруссии². Однако долгие годы история Холокоста для западных исследователей заканчивалась на советско-польской границе, в значительной мере в силу закрытости советских архивов и, следовательно, бесперспективности исследований этой темы. И лишь с конца 1990-х гг. ситуация начала существенно меняться³. Кроме того, большую трудность для исследователей представляла и представ-

¹ Конференция была организована в тесном сотрудничестве с Германским историческим институтом в Москве, Университетом Торонто, Джорджтаунским университетом, Франко-российским центром гуманитарных и общественных наук в Москве, Центром российских, кавказских и центральноевропейских исследований Высшей школы социальных наук в Париже, журналом «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*» и при поддержке Фонда семьи Блаватник. Полный перечень докладов и список участников конференции см. на сайте Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ (URL: <http://hist.hse.ru/war/conference>). Некоторые статьи, написанные на основе докладов этой конференции, будут опубликованы на английском языке в специальном выпуске журнала “*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*”.

² Примером того, насколько сложными и комплексными являются попытки установить численность жертв Холокоста в СССР, служат работы А. И. Круглова о жертвах Холокоста в Украине, см., например: *Круглов А. И. Потери евреев Украины в 1941–1944 гг.* Харьков, 2005; *Kruglov A. Jewish Losses in Ukraine, 1941–1944 // The Shoa in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / eds. R. Brandon, W. Lower.* Bloomington, 2008. P. 272–290.

³ Одной из первых влиятельных работ по этой теме в новейший период стала монография Дитера Поля: *Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens.* München, 1997. См. также сборник статей, оценивающий современное состоя-

дляет необходимость владения языками источников, в список которых входит немецкий, русский, украинский, идиш и иврит, а также языки стран — союзниц Германии, чьи войска участвовали в боевых действиях на Восточном фронте. Союзники Германии контролировали — полностью или частично — некоторые оккупированные территории.

В свою очередь, в Советском Союзе тема Холокоста (без упоминания этого термина) также занимала в лучшем случае периферийное место. Надписи на советских памятниках, воздвигнутых на местах массовых убийств, и школьные учебники, говорившие об уничтожении нацистами «мирных советских граждан», практически не упоминали о том, что люди, чьи тела были зарыты в многочисленных братских могилах, люди — расстрелянные или задохнувшиеся в «душегубках» и газовых камерах — в значительной своей массе были евреями. Замалчивание темы Холокоста ярко проявилось в судьбе «Черной книги», документировавшей уничтожение евреев на территории СССР и Польши. Хотя инициатору ее издания Илье Эренбургу удалось организовать сбор материалов и даже заручиться разрешением на ее публикацию, после войны уже почти подготовленное к печати издание было запрещено. И лишь после крушения советского режима полный текст книги был издан вначале на территории бывшего СССР, а затем в США⁴.

В современной России тема Холокоста по-прежнему не занимает центрального места в дискуссиях о Второй мировой войне. В российских университетах не существует ни одной кафедры по истории Холокоста, и его история преподается, как правило, в рамках немногочисленных программ по иудаике, спонсируемых преимущественно частными фондами и лицами. Отчасти это является следствием сохраняющегося с советских времен отношения к Холокосту как к «неудобной» теме исторических

ние изучения Холокоста в Украине: *The Shoa in Ukraine: History, Testimony, Memorialization*.

⁴ О «Черной книге» см.: *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee* / eds. J. Rubinstein, V. Naumov. New Haven and London, 2001. P. 17–18. См. также: *Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг.* Киев, 1991; То же: в 2 т. Запорожье, 1991; То же. Вильнюс, 1993; *Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о катастрофе советских евреев (1941–1944)*. М.; Иерусалим, 1993; *The Unknown Black Book: The Holocaust in the German-Occupied Soviet Territories* / eds. J. Rubinstein, I. Altman. Bloomington, 2008.

исследований, что было в значительной мере связано с антисемитизмом, явно или скрыто присутствовавшим в советской политике⁵. В постсоветский период происходит настоящий прорыв в изучении истории Холокоста на территории бывшего СССР⁶. Тем не менее разрыв между степенью изученности Холокоста в оккупированных областях Советского Союза и на территории европейских стран пока еще очень велик.

Изучение Холокоста, как и других акций уничтожения гражданского населения, организованных оккупационными властями, было сопряжено с проблемой коллаборационизма и сложных межэтнических отношений в СССР. В акциях по уничтожению евреев и других групп населения участвовали полиция и карательные отряды, сформированные из местного населения⁷. Детальные исследования нацистской оккупационной политики могли развенчать образ единого советского народа, дружно поднявшегося для отпора врагу, который пестовала советская пропаганда⁸. Не слишком вписывается история Холокоста, в особенности, история соучастия советских граждан в нацистских преступлениях, в героический нарратив Великой Отечественной войны, господствующий в постсоветских государствах⁹.

Проблема Холокоста и массового уничтожения гражданского населения на оккупированных территориях, а также связанные с ней вопросы коллаборационизма и межэтнических отношений в советском обществе занимают центральное место в первом разделе сборника.

⁵ *Альтман И.* Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.* 2005. № 2–3. С. 252–263.

⁶ Не имея возможности в рамках настоящей статьи дать сколько-нибудь подробный историографический обзор, отметим, что до некоторой степени современный уровень знаний о Холокосте на территории СССР отражен в монументальной энциклопедии «Холокост на территории СССР: Энциклопедия», гл. ред. И. А. Альтман (М.: РОССПЭН; Научно-просветительский центр «Холокост», 2009. 1144 с.).

⁷ *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 2000 (рус. пер.: *Пособники Холокоста: преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941–1944 гг.* СПб., 2008).

⁸ О советской пропаганде периода Второй мировой войны см.: *Berkhoff K.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda During World War II. Cambridge, Mass, 2012.

⁹ *Himka J.-P.* Obstacles to the Integration of the Holocaust into Post-Communist East European Historical Narrative // *Canadian Slavonic Papers.* 2008. Vol. 50. No. 3–4. P. 359–337.

Открывает его статья Стивена Мэддокса о карательных отрядах, действовавших в Ленинградской области. Автор показывает, насколько сложным был состав карательных формирований: сюда входили отряды, состоявшие из коллаборационистов, включая бывших советских военнопленных, подразделения полиции, националистические формирования, в частности, состоявшие из украинцев и эстонцев, а также охранные дивизии вермахта и другие вооруженные отряды. Хотя советская пропаганда клеймила сотрудников нацистов из числа местного населения как предателей, автор показывает, что мотивы людей, принимавших участие в карательных экспедициях, могли различаться — от антикоммунизма и национализма до поисков материальной выгоды и простого стремления выжить. Мэддокс подчеркивает, что участие советских граждан в карательных отрядах не было секретом для современников. Однако, как он демонстрирует на материалах послевоенных трибуналов, сталинское руководство закрыло для общественного обсуждения вопрос о действиях коллаборационистов: карательные отряды представлялись как нацистские формирования, состоявшие исключительно из немцев и действовавшие против единого миролюбивого советского народа.

Статья Цви Гительмана о еврейских партизанах в Белоруссии показывает, что единства не было и в рядах тех, кто боролся с нацистами. Партизанские отряды также отличались сложными внутренними взаимоотношениями, а в мировоззрении партизан заметное место занимал антисемитизм. В Белоруссии, являвшейся очагом партизанской борьбы на территории СССР в годы Второй мировой войны, из примерно 300 тыс. действовавших там партизан от 11 до 15 тыс. были евреями. Опираясь преимущественно на интервью и опубликованные в последние годы мемуары партизан-евреев, Гительман показывает, что бежавшие из гетто евреи, особенно в Западной Белоруссии, не могли рассчитывать на поддержку со стороны местного населения. А те, кому удалось найти убежище в партизанских отрядах, нередко становились жертвами своих же товарищей по оружию, разделявших антисемитские настроения. Как демонстрирует Гительман, антисемитизм был широко распространен в партизанских отрядах, по крайней мере, в первый период войны, до тех пор, пока контроль над партизанским движением не начали брать в свои руки командиры, присланные из Москвы.

В отличие от партизанских отрядов, антисемитские настроения не были распространены в таких широких масштабах в рядах Красной армии, где вспышкам антисемитизма противодейство-

вала воинская дисциплина. Тем не менее красноармейцы едва ли всецело сочувствовали жертвам Холокоста и уж тем более осознавали масштабы и глубинные причины этого явления. Как показывает Аркадий Зельцер в статье об отношении к Холокосту в Красной армии, солдаты и офицеры сопереживали судьбе евреев, особенно когда они становились свидетелями вскрытия массовых захоронений жертв Холокоста. Военные корреспонденты и простые солдаты передавали в своих письмах и сообщениях шокирующие образы убитых детей, включая укутанного в одеяльце шестимесячного ребенка с соской во рту в селении Ляды. Красноармейцы также получали сведения о массовых убийствах евреев из армейской прессы, из бесед, организованных политуправлениями фронтов, и из рассказов свидетелей Холокоста и евреев, чудом переживших оккупацию. Тем не менее, как подчеркивает Зельцер, красноармейцы в большинстве своем не воспринимали Холокост как особую, целенаправленную нацистскую политику, основанную на антисемитизме. На такое представление влияла официальная советская пропаганда, утверждавшая, что нацистская политика уничтожения была направлена против всех советских граждан без различия их национальности. Содействовали этому и условия военного быта: живя под постоянной угрозой смерти и теряя в боях близких товарищей, красноармейцы более спокойно относились к смерти чужих им людей, и в частности евреев. В итоге, в условиях жестокой и кровопролитной войны, с огромным количеством жертв, в том числе среди гражданского населения, для многих фронтовиков-неевреев тема Холокоста оказалась не настолько существенной, чтобы обращать на нее особое внимание.

Представленные в данном сборнике исследования не только заново ставят проблему коллаборационизма, антисемитских настроений в советском обществе и отношения к Холокосту, но и пытаются восстановить прежде неизвестную фактическую канву событий. Несмотря на растущее число исследований по истории Второй мировой войны и оккупации, знание историков о происшедшем на территории СССР в эти годы все еще достаточно ограничено. По-прежнему нет даже полной ясности в вопросе о том, сколько именно людей погибло. При каких обстоятельствах? Кто и почему участвовал в их убийстве? Сложность в поиске ответов на эти вопросы, как и раньше, представляет недоступность ряда архивных материалов. Хотя в последние годы архивохранилища открыли доступ к целому ряду важных документальных коллекций по истории Второй мировой войны, многие материалы, в частно-

сти, касающиеся коллаборационизма и участия советских граждан в Холокосте, по-прежнему остаются недоступными. Так, например, очень важные и информативные материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) теперь доступны исследователям. Но, в то же время, не менее важные документы из Центрального архива ФСБ России, включая материалы судебных расследований в отношении преступлений, совершенных оккупационными властями и коллаборационистами, по-прежнему недоступны для историков. В частности, закрытой для исследователей остается хранящаяся в Центральном архиве ФСБ коллекция документов печально известного учебного лагеря СС Травники, в котором нацисты обучали служащих полицейских формирований СС, надсмотрщиков для лагерей смерти и т. д. Однако нельзя не отметить, что часть документации советских органов госбезопасности, находящаяся в архивохранилищах вне границ России — на территории других постсоветских республик — уже стала доступна для изучения. Так, например, документы из Государственного архива Службы безопасности Украины (ГДА СБУ) были использованы в статьях Олены Петренко, Татьяны Пастушенко и Станислава Аристова, публикуемых в данном сборнике.

Статьи Татьяны Пастушенко и Станислава Аристова приводят новые данные о Холокосте в Украине, рассматривая это событие в рамках более широкой историографии нацистской политики. Пастушенко исследует гибель красноармейцев-евреев, попавших в плен в Киевском «котле» в 1941 г. На основании военных сводок германских частей, но в первую очередь — материалов допросов бывших военнопленных советскими органами госбезопасности и опубликованных в постсоветский период воспоминаний, автор пытается реконструировать обстоятельства и места гибели военнопленных-евреев в момент их взятия в плен, в период конвоирования и пребывания их в дивизионных и армейских сборно-пересыльных лагерях. Автор убедительно показывает, что в боевой обстановке решения о расстрелах могли приниматься на низовом уровне и что массовые расстрелы военнопленных-евреев проводились в прифронтовой зоне силами вермахта еще до прибытия «айнзацкомманд». Эта статья расширяет дискуссию о при-

частности регулярных частей вермахта к уничтожению гражданского населения и, в частности, к массовым расстрелам евреев¹⁰.

Статья Станислава Аристова посвящена нацистским концентрационным лагерям на территории оккупированной Украины, которые рассматриваются как часть общей лагерной системы Третьего рейха. Автор пытается ответить на вопрос о том, каковы были механизмы функционирования этих лагерей. Отличались ли они существенными чертами от лагерей, расположенных на территории Германии или оккупированной Польши? Или, являясь частью унифицированной системы, они везде следовали единому образцу? Автор демонстрирует, что в своей внутренней структуре нацистские концентрационные лагеря на территории Украины являлись более неоднородными, чем лагеря Третьего рейха. По организации внутреннего пространства, по хаотичности управления и большему личному произволу руководства они были близки к лагерям в Германии 1933 – начала 1934 г., то есть периода зарождения и становления лагерной системы Третьего рейха. В то же время по своим функциям они вполне соответствовали современным им концентрационным лагерям, которые уже с конца 1941–1942 г. превратились в центры массовой эксплуатации и уничтожения заключенных. Таким образом, особенностью концентрационных лагерей на территории Украины было то, что они вобрали в себя черты различных этапов развития нацистской лагерной системы.

Архивные материалы советских органов безопасности послужили основой и для статьи Олены Петренко об участии женщин в Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии – под нацистской оккупацией и после освобождения Украины советскими войсками. На примере судебного дела Ольги Чемерис автор показывает, что роли женщин в ОУН и УПА были очень многоплановыми и что их нельзя свести лишь

¹⁰ Основные позиции участников этой дискуссии отражены в следующих работах: *Heer H. Killing Fields: The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941–42* // *Holocaust and Genocide Studies*. 1997. Vol. 11. No. 1. P. 79–101; *Gerlach Ch. Verbrechen deutscher Fronttruppen in Weißrußland, 1941–1944: Eine Annäherung* // *Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System* / Hrsg. K.-H. Pohl. Göttingen, 1999. S. 89–114; *Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944*. München, 2008; *Бордюгов Г. А. Вермахт и Красная армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения* // *Россия и Германия в XX веке* / пер. с нем.; ред. К. Аймермахер и др. М., 2010. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 951–990.

к положению преступницы или жертвы. Представленный в статье материал также свидетельствует о том, что при решении судебных участников антисоветского подполья советские спецслужбы руководствовались преимущественно не едиными судебными нормами, а конкретными обстоятельствами и, главное, стремлением заполучить в свои руки участников националистического подполья, все еще остававшихся на свободе. Отказ Чемерис от сотрудничества со спецслужбами и стал главной причиной вынесения ей смертного приговора в 1950 г.

О непростой судьбе — теперь уже бывших советских военнопленных — в послевоенном СССР повествует статья Маттиаса Кальтенбруннера. В ней говорится о драматической истории побега пятисот советских военнопленных из австрийского концентрационного лагеря Маутхаузен, о гибели почти всех их от рук СС и местных жителей и о судьбе восьми выживших пленников в послевоенном Советском Союзе. Автор показывает, как будучи обвинены — как и многие другие военнопленные — в измене Родине, в период хрущевской оттепели они пытались представить себя бойцами сопротивления. В послевоенном обществе, когда военные заслуги больше, чем классовое происхождение или партийный билет, стали определять положение человека¹¹, бывшие узники попытались утвердить свою роль и роль своих погибших товарищей как героев в глазах советской общественности. Статья Кальтенбруннера, завершающая первый раздел сборника, тесно связывает события, происходившие за линией немецкого фронта, с советскими политическими практиками и общественными настроениями.

Проблемам советского общества в период войны целиком посвящен второй раздел этого сборника.

Статьи второго раздела исследуют «обыкновенный сталинизм», а точнее политические практики и жизнь советских людей в период войны. Примечательно, что проблема сталинизма военного времени — в отличие от «классического» сталинизма 1930-х гг. и отчасти сталинизма послевоенного — долгое время оставалась «на задворках» исторических исследований. Как подметил Стивен Ловелл, историки «обычно рассматривают войну как травматическое и важное событие, но в конечном счете, ее значение сводится к роли катастрофического промежутка между

¹¹ Об этом см.: *Weiner A. Making Sense of War: Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001.

двумя фазами сталинизма: бурной и кровавой эрой 1930-х гг. и глубокими заморозками конца 1940-х <...>. Невоенные историки не знают, как подступиться к периоду войны»¹². Показательными в этом отношении являются работы крупнейшего российского специалиста по истории сталинизма Олега Хлевнюка. Хлевнюк выпустил сравнительно недавно две фундаментальные работы по истории сталинизма: «Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры» (М.: РОССПЭН, 2010) и, в соавторстве с британским историком Йорамом Горлицким «Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры» (М.: РОССПЭН, 2011)¹³. Первая из этих книг охватывает предвоенный период, вторая – посвящена периоду послевоенному. Сталинизм военного времени при этом остается для Хлевнюка эпохой, к которой существует больше вопросов, чем ответов. Например, он задается вопросом: «Была ли война высшей точкой радикализации системы, что и обеспечило победу? Или, наоборот, победа была достигнута за счет частично осознанного, частично стихийного отказа от предвоенного радикализма?»¹⁴

Как показывает Майкл Дэвид-Фокс, на эти вопросы нельзя дать простой и однозначный ответ, так как сталинизм военного времени не являлся монолитным феноменом. Он сочетал в себе – как, впрочем, и сталинизм 1930-х гг. и послевоенного времени – ряд часто диаметрально противоположных черт. С одной стороны, как утверждает Дэвид-Фокс, оказавшись перед лицом смертельной угрозы, нависшей над самим существованием советского государства, сталинский режим пошел на очевидные политические и идеологические компромиссы, в частности на заметные уступки в отношении интеллигенции, крестьянства, заключенных ГУЛАГа и православной церкви. Также и в идеологии наблюдалось усиление патриотических элементов и отход от интернационалистической риторики. С другой стороны, эти уступки сочетались с ужесточением репрессий, направленных против потенциальной «пятой колонны» и «изменников» Родине, и усилением некоторых черт довоенной системы, например иерархии потребления, границы между ступенями которой стали еще бо-

¹² Lovell S. *The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 to the Present*. Chichester, 2010. P. 4.

¹³ Первый вариант книги вышел ранее на английском языке: *Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford, 2004.

¹⁴ Хлевнюк О. Сталин на войне // *Cahiers du Monde Russe*. 2011. Т. 52. № 4. P. 216.

лее жесткими в связи с крайним дефицитом продуктов и других товаров.

Продолжая эту мысль, можно подчеркнуть и противоречивую роль государства в сталинской системе военного времени. С одной стороны, в период тотальной войны, подразумевающей мобилизацию всей экономики и общества для военных нужд, происходит чрезвычайное усиление роли государства. Именно государство проводит мобилизацию армии и промышленности, руководит эвакуацией предприятий и людей на восток страны. Перемещение населения в годы войны было беспрецедентным по своим масштабам и включало эвакуацию 16,5 миллиона советских граждан, выехавших с июня 1941 по осень 1942 г. в тыловые районы страны¹⁵. При этом государство определяло, кто будет эвакуирован, где расселен, что именно будет производиться на тех или иных предприятиях, и даже кто, чем и в каком количестве будет питаться. С другой стороны, именно с периодом войны многие современники связывали чувство внутреннего освобождения от давления и от страхов, характерных для 1930-х гг. Получив в руки оружие, миллионы людей уже не видели себя винтиками бесчеловечной государственной машины, но ощущали себя вершителями своей судьбы и судьбы страны¹⁶.

Но все же перед историками по-прежнему стоит вопрос о том, какую именно роль государство играло в жизни людей военного времени, в частности в жизни повседневной. Насколько велика была его роль в организации быта населения? Этот вопрос поднимает Венди Голдман в статье о продовольственном снабжении населения и, в первую очередь, промышленных рабочих. Должно ли было гражданское население полагаться в поисках пропитания в первую очередь на собственные силы? Или своим выживанием промышленные рабочие тыла были обязаны именно усилиям государственных органов и структур? Голдман показывает, что в экономике военного времени сочетались распределительные и рыночные элементы: дополнением к централизованным поставкам продовольствия служили децентрализованные закупки, колхозные рынки, личные огороды и фабричные подсобные хозяйства, росшие буквально как грибы в условиях военного дефицита.

¹⁵ О масштабах, географии и численности эвакуации см.: *Manley R. To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War. Ithaca, 2009.*

¹⁶ Об этом, а также о проблеме ветеранов в военном и послевоенном советском обществе см.: *Edele M. Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991. Oxford, 2009.*

Ил. 6. Пленные красноармейцы под конвоем немецких солдат закапывают тела евреев, расстрелянных нацистами в Бабьем Яре. 1 октября 1941 года.
ЦГКФФА Украины

Ил. 7. Женщины ищут родственников у ограждения Дарницкого лагеря для советских военнопленных в Киеве

Ил. 1. Советские офицеры и местные жители возле вскрытой ямы с телами жертв Холокоста, местечко Ляды, Белоруссия. Октябрь 1943 года.
Yad Vashem Archive, Photo Collection

Ил. 8. Заключенные-евреи – члены «зондеркоманды 1005» рядом с машиной по дроблению костей, оставшихся после сожжения тел убитых, Яновский концентрационный лагерь. 1943 год.
United States Holocaust Memorial Museum

Ил. 9. Лагерный оркестр Яновского концентрационного лагеря. 1941–1943 годы. *United States Holocaust Memorial Museum*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов Станислав Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Московского областного гуманитарного института, автор публикаций по истории нацистской лагерной системы.

Гительман Цви, профессор политологии и иудаики Мичиганского университета в Энн Арборе (США), автор многочисленных работ о российском, советском и восточноевропейском еврействе. Среди его публикаций – книги «A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. 2nd edition» (Bloomington: Indiana University Press, 2001, рус. пер. «Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней» [М.: Новое литературное обозрение, 2008]) и «Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: an Uncertain Ethnicity» (N. Y.: Cambridge University Press, 2012).

Голдман Венди, профессор истории Университета Карнеги-Меллон (США), автор работ по советской политической и социальной истории. В переводе на русский язык вышли ее книги «Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.)» (М.: РОССПЭН, 2010) и «Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий» (М.: РОССПЭН, 2010).

Дэвид-Фокс Майкл, профессор Школы международных отношений и Факультета истории Джорджтаунского университета (США), один из основателей и многолетний редактор журнала «Kritika: Explorations in Russian and Soviet History». Русский перевод его последней книги «Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941» (N. Y.: Oxford University Press, 2012) выйдет из печати в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2014 г.

Зельцер Аркадий, доктор наук, директор Центра изучения истории советских евреев в годы Холокоста при Мемориальном комплексе Яд Вашем (Иерусалим), автор книги «Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941» (М.: РОССПЭН, 2006).

Кальтенбруннер Маттиас, докторант и научный сотрудник Венского университета (Австрия), автор книги «Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des Konzentrationslagers Mauthausen und die “Mühlviertler Hasenjagd”. Hintergründe, Folgen, Aufarbeitung» (Innsbruck; Wien; Bozen: Studienverlag, 2012) о массовом побеге советских офицеров из концлагеря Маутхаузен.

Кимерлинг Анна Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь), автор публикаций по истории сталинизма в провинции и истории советской повседневности.

Кукулин Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент отделения культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), автор статей по истории русской литературы XX в., социологии современной русской культуры, а также о современной русской поэзии.

Лейбович Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор Пермской государственной академии искусства и культуры, автор ряда работ по советской истории, в том числе монографии «В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х гг. XX века» (М.: РОССПЭН, 2008).

Майофис Мария Львовна, кандидат филологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы, автор публикаций по истории русской культуры и интеллектуальной истории России XIX–XX вв., в том числе монографии «Воззвание к Европе: Литературное общество “Арзамас” и российский модернизационный проект 1818–1815 годов» (М.: Новое литературное обозрение, 2008).

Мэддокс Стивен, доктор наук, доцент (Assistant Professor) истории в Канисиус колледже (США), его книга «Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation, Restoration, and Commemoration in Leningrad, 1930–1950» готовится к публикации в издательстве Indiana University Press.

Пастушенко Татьяна Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, автор публикаций об оstarбайтерах и положении бывших принудительных рабочих и военнопленных в Украине.

Петренко Олена, докторант и научный сотрудник кафедры восточно-европейской истории Рурского университета в Бохуме (Германия), автор ряда статей об участии женщин в Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии.

Плохий Сергей, профессор истории и директор Института украинских исследований Гарвардского университета, автор ряда книг по истории Украины и России, его последняя монография — «The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires» (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

Познер Валери, доктор наук, историк российского и советского кино, старший научный сотрудник французского Национального центра научных исследований, председатель французской Ассоциации историков кино, координатор коллективного проекта по истории кино на территории СССР в 1939–1949 гг.

Фильцер Дональд, профессор российской истории в Университете Восточного Лондона (Великобритания), автор ряда публикаций о рабочих в Советском Союзе, включая вышедшую в русском переводе книгу «Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны» (М.: РОССПЭН, 2011). Его последняя книга — «The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953» (Cambridge: Cambridge University Press, 2010).

Шабалин Владислав Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономи-

ки» (Пермь), автор статей о советской и партийной бюрократии 1920–1940-х гг.

Шапиро Пол, директор Центра высших исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста (Вашингтон, США); ранее являлся соредактором журнала «Problems of Communism» и редактором журнала «Journal of International Affairs».

Эстрайх Геннадий, профессор Нью-Йоркского университета, автор работ по истории еврейской интеллектуальной жизни, среди его монографий – «Soviet Yiddish: Language Planning and Linguistic Experiment» (Oxford: Clarendon Press, 1999) и «In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism» (Syracuse: Syracuse University Press, 2005).

Яров Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, автор работ о политических представлениях рабочих и крестьян в годы Гражданской войны, о конформизме в Советской России. Его последняя книга – «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.» (М.: Центрполиграф, 2012).